

Научная статья
УДК 94(47).083
DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-193-189-201

**«Мы долго, молча отступали...?»
Великое отступление 1915 г. на материалах журналов
военных действий частей 7-й пехотной дивизии
5-го армейского корпуса**

Владимир Валерьевич КАНИЩЕВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
kan-vladimir-tamb@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрен один из труднейших для русской армии периодов Первой мировой войны – «Великое отступление» 1915 г. Было изучено поведение офицерского корпуса и личного состава четырех полков 7-й пехотной дивизии императорской армии в условиях масштабного отступления в июне–сентябре 1915 г. В ходе исследования удалось установить, что события тех дней освещались в полковых журналах весьма субъективно. Их составители вносили данные с разной степенью полноты и точности, а иногда оставляли серьезные пробелы в хронологии событий. Тем не менее полученные факты позволили сделать неоднозначные выводы об этом событии нашей истории. Здесь нашлось место проявлению всех человеческих качеств, которые могут раскрыться на войне. Солдаты и офицеры, оказываясь в разных ситуациях, могли проявить мужество и отвагу, трусость и слабость, решительность и неуверенность. Однако общее описание происходящего убеждает нас в том, что оказавшиеся в этих условиях люди остались верны присяге и выполнили поставленные перед ними задачи. Великое отступление «не похоронило» русскую императорскую армию, которая продолжила борьбу, и только обстоятельства, произошедшие внутри государства через два года, поставили точку в истории ее существования.

Ключевые слова: Первая мировая война, русская армия, Великое отступление, потери, офицеры

Для цитирования: Канищев Вл.В. «Мы долго, молча отступали...?» Великое отступление 1915 г. на материалах журналов военных действий частей 7-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2021. Т. 26, № 193. С. 189-201. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-193-189-201>

“We retreated for a long time, silently...?” The Great Retreat of 1915 on the combat records of the units of the 7th Infantry Division of the 5th Army Corps

Vladimir V. KANISHCHEV

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
kan-vladimir-tamb@yandex.ru

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная
Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
© Канищев Вл.В., 2021

Abstract. We consider one of the most difficult periods of the First World War for the Russian army – the “Great Retreat” of 1915. The behavior of the officer corps and soldiers of four regiments of the 7th Infantry Division of the Imperial Army in the conditions of a large-scale retreat in June–September 1915 is studied. In the course of the study, it is found that the events of those days are covered in regimental records very subjectively. Their compilers entered data with varying degrees of completeness and accuracy, and sometimes left serious gaps in the chronology of events. Nevertheless, the obtained facts allowed us to draw ambiguous conclusions about this event in our history. There is a place for the manifestation of all the human traits that can be revealed in war. Soldiers and officers, finding themselves in different situations, could show courage and bravery, cowardice and weakness, determination and uncertainty. However, the general description of what is happening convinces us that the people who found themselves in these conditions remained faithful to the oath and fulfilled the tasks assigned to them. The Great retreat “did not bury” the Russian imperial army, which continued the struggle and only the circumstances that occurred within the state in two years will put an end to the history of its existence.

Keywords: World War I, Russian army, the Great Retreat, losses, officers

For citation: Kanishchev Vl.V. «My dolgo, molcha otstupali...?» Velikoye otstupleniye 1915 g. na materialakh zhurnalov voyennykh deystviy chastey 7-y pekhotnoy divizii 5-go armeyskogo korpusa [“We retreated for a long time, silently...?” The Great Retreat of 1915 on the combat records of the units of the 7th Infantry Division of the 5th Army Corps]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2021, vol. 26, no. 193, pp. 189-201. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-193-189-201> (In Russian, Abstr. in Engl.)

Общеизвестно, что «Великое отступление» русской армии 1915 г. началось в результате Горлицкого прорыва, осуществленного 11-й германской армией и приданной ей 4-й австро-венгерской армией под командование генерала А. фон Макензена. Частям 7-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса русской императорской армии наряду с другими воинскими частями предстояло встать на пути продвижения войск противника.

Тяжелые для России военные события лета–осени 1915 г. изучались главным образом на макроуровне армии в целом, фронтовом уровне, совсем редко на уровне отдельных армий, корпусов, дивизий [1; 2].

Классическая советская историография всю вину за «великое отступление» возлагала на царизм, высшее военное командование, связывало отступление с назреванием революционного кризиса в стране [3, с. 30-31; 4].

При этом «тьень» позорного отступления падала на средний и младший офицерский состав, на нежелающую воевать за «чужое» отчество солдатскую массу.

Вину на правящие круги за военные неудачи 1915 г. возлагала и эмигрантская литература. Даже А.И. Деникин обвинял в этих неудачах «немецко-распутинское» окружение царя [5].

В современных условиях публикации о «Великом отступлении» 1915 г. главным образом появляются на интернет-сайтах («Военное обозрение»¹, «Столетие» (информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы)², «Битва гвардий»³). Авторы этих публикаций достаточно грамотно описывают ход военных событий и, что особенно ценно, в контексте исторической памяти о «беззаветной доблести русских войск» приводят конкретные примеры героизма офицеров и солдат в тяжелых боях 1915 г.

И в советской, и в эмигрантской, и в современной российской литературе мы можем встретить главным образом повествование о ходе военных действий периода «великого отступления». В отдельных работах присутствовал анализ этих действий с оперативно-тактической точки зрения. Редким моментом в историографии является внимание к повседневному (не всегда героическому) поведению конкретных офицеров и солдат – непосредственных участников боевых действий.

В данном исследовании мы попытались восполнить этот пробел в историографии, обратившись в первую очередь к изучению действий офицеров 4-х полков (25-й Смоленский полк, 26-й Могилевский полк, 27-й Витебский полк и 28-й Полоцкий полк) 7-й пехотной дивизии в событиях мая–сентября

1915 г. При этом мы не могли обойти вниманием общий ход боевых действий на конкретных участках фронта, в которых участвовали конкретные офицеры, а также действия солдат, которыми эти офицеры руководили.

Основными источниками для изучения «Великого отступления» 1915 г. в работах историков являлись обзоры, сводки, приказы и другие материалы высшего военного командования. Документы первичного уровня, особенно полковые журналы, отразившие действия и «дух» непосредственных бойцов, практически не изучались. Между тем эти журналы имеют не только информационную ценность, но и дают пищу для анализа особенностей источников военного времени.

Изучение журналов нескольких полков позволяет сравнивать деятельность командиров разных подразделений в примерно одинаковых фронтовых условиях и вместе с тем выявлять наличие выбора конкретных оперативно-тактических мер (упорный оборонительный бой, организованное отступление, контратака и т. д.).

Приходится учитывать субъективизм составителей журналов. В них, как правило, не видно бравадной предвзятости или панических настроений отступающих войск. Личностный подход авторов журналов проявлялся в другом.

Во-первых, при отсутствии единых требований к заполнению журналы велись с разной степенью полноты. Так, журналы 26-го и 27-го пехотных полков освещали картину происходящих событий более подробно и эмоционально, чего нельзя сказать об аналогичных записях в источниках 25-го и 28-го полков.

Во-вторых, сказывался разный должностной уровень составителей журналов, взгляд на боевые действия с разной командирской высоты. Так, журналы 25-го полка подписывались временно исполняющим обязанности командира и полковым адъютантом. В 26-м полку – командиром и адъютантом. В 27-м полку, судя по одной подписи, журнал велся лично командиром полка, а в 28-м полку – только адъютантом.

¹ Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/79831-velikoe-otstuplenie-russkoy-armii.html> (дата обращения: 22.04.2021).

² Столетие (информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы). URL: https://www.stoletie.ru/voyna_1914/ni_patronov_ni_snaradov_33.htm (дата обращения: 22.04.2021).

³ Битва гвардий. URL: <http://btgv.ru/project/> (дата обращения: 22.04.2021).

В-третьих, возможно предположить, что журналы могли заполняться не сразу, порой записи делались за несколько дней, отдельные отрезки времени вообще пропускались. В таких случаях возможна путаница в фиксации быстротекущих боевых эпизодов, влияние на точность их запоминания напряженной военной обстановки.

И все-таки наличие журналов разных полков позволяет верифицировать их данные, особенно действия конкретных офицеров, которые постоянно взаимодействовали с соседними полками.

Более того, мы имеем возможность сравнить сведения полковых журналов с дивизионными, корпусными, армейскими сводными документами, в которые попадали «отсеянные» факты о действиях отдельных полков и их офицеров.

Первое, в чем мы убедились при анализе журналов, это отсутствие сведений о каком-либо крупном, тем более паническом отступлении на участках изученных полков на протяжении мая–июня 1915 г. Согласно журналам 25-го полка, майские дни проходили относительно спокойно. Наиболее запоминающимися стали 27 и 28 мая, когда добровольно в плен сдались сначала один, а потом два немецких солдата⁴. Какое уж тут отступление от немцев! Первый летний месяц описывается спокойно, а основное движение на фронте начинается 29 июня.

Согласно записям в журнале 26-го полка, майские и июньские дни прошли относительно спокойно. Тем не менее почти каждый день упоминалось о перестрелках и потерях в нижних чинах. В мае на фронте 26-го полка можно выделить эпизод, произошедший 23-го числа, когда в районе окопа № 5 после немецкой стрельбы начался пожар, и бойцы 16-й роты под командой капитана Лакатоша стали его тушить, последний был ранен разрывной пулей⁵.

В журнале 27-го пехотного Витебского полка за май–июнь 1915 г. также практиче-

ски нет упоминаний о серьезной боевой активности на линии фронта. Как правило, речь велась об обмене артиллерийскими залпами, правда, с преобладанием немецких тяжелых орудий, разведывательных действиях с обеих сторон и прочей боевой «повседневности», присущей позиционной войне.

Практически такая же картина наблюдалась и в описании майских и июньских дней на позициях 28-го Полоцкого полка.

Только в ночь с 29 на 30 июня, как записано в журнале 27-го полка, началось усиление ружейного и пулеметного огня по позициям соседнего 28-го Полоцкого полка, а в 3 часа ночи начался мощный артиллерийский огонь по окопам № 21-22, занимаемым казаками, которые являлись передовыми заставами. После артподготовки казаки оставили позиции, и немцы моментально заняли их.

Но особо отметим, что в сложившейся ситуации командир 27-го полка полковник Чеглов незамедлительно отдал приказ о контратаке половине 5-й роты под командованием капитана Моисеенко-младшего (старший брат в это время был в Тамбове на излечении) и 7-й роты под командой штабс-капитана Ахмед-Бекова. В результате атаки был восстановлен контроль над окопами.

В 10 часов утра 30 июня при поддержке огня артиллерии немцы вновь перешли в наступление. К 12 часам стало понятно, что основной удар противник предпринял на позиции соседнего 28-го Полоцкого полка, занимавшего Шафранские бугры. По приказу командира 27-го полка 1-я и 6-я роты под командой прапорщиков Шеметилло и Давыдова получили приказ поддержать 28-й полк. Подпоручик Ляховский с 9-й ротой занял высоту 63.4, но пробыл в резерве недолго и был отправлен к командиру 2-го батальона полковнику Калишеку, занимавшего позиции у д. Давия. 10-я и 11-я роты под командованием капитана Мередиша были отправлены к д. Плевки. 12-я рота поручика Визгалина удерживала д. Кузи.

В час дня произошло драматичное событие. Прапорщик 8-й роты Скрылев увидел большой белый флаг над окопами Полоцкого

⁴ РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 2639. Оп. 1. Д. 273. Л. 1аоб.

⁵ Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 134. Л. 8-8об.

полка. После этого немецкие войска без сопротивления стали занимать Шафранские бугры. Удар противника вновь был сконцентрирован на окопы № 21, 22, в результате чего 7-я рота 27-го полка получила приказ на отход, а ее командир штабс-капитан Ахмед-Беков и младший офицер, прапорщик Нейман были ранены. Выводить роту из-под удара пришлось прапорщику Королеву.

Казалось, инициатива перешла к германцам, но 9-я, 10-я и 11-я роты 27-го полка, совместно со 2-м батальоном 25-го Смоленского полка, получили приказ перейти в контратаку. Однако «смоленцы» отложили атаку, и ночью роты вынуждены были отойти назад⁶.

Тревожные нотки зазвучали в записях 28-го полка, сделанных в ночь с 29 на 30 июня. Речь шла о возможности большого немецкого наступления и о мерах по его противодействию. Было усилено наблюдение за позициями противника и выслана группа разведчиков под командой поручика Ершова.

Начиная с 4 часов утра, немцы открыли ураганный артиллерийский огонь по позициям полка. Особенно тяжело пришлось ротам 2-го батальона, позиции которого были практически стерты к 11 часам 30 минутам, после чего противник установил контроль над сопками (в журнале 27-го полка «Шафранские бугры»)⁷. Интересно, что в этих записях отсутствует упоминание о белых флагах и сдаче позиций, а также говорится об отсутствии помощи со стороны 27-го полка.

В записи, сделанной в 25-м полку 30 июня, упоминается момент (правда не так красочно), когда два батальона Полоцкого полка оставили свои позиции. При попытке отбить деревню Круша погибли подпоручики Гончаров и Гаврилов, и еще три офицера Смоленского полка были ранены⁸.

2 июля 27-й полк получил приказ отойти на тыловую позицию деревень Гаврихи–Вык, где в течение следующего дня начал укреплять свои позиции⁹.

Мы знаем, что преимущество германских войск, прежде всего, в тяжелой артиллерии, имело определяющее значение на всех фронтах. В последующие июльские дни противник ежедневно предпринимал атаки на позиции 27-го и соседних полков. Его сдерживание зависело от мужества солдат и командных качеств офицеров.

В журнале 26-го полка мы встретили запись о том, что около 10–11 часов вечера 4 июля, узнав о прорыве позиций 25-го полка и 1/2 13-й роты, ударив во фланг немцам, восстановила положение на фронте. Вечером следующего дня получен приказ на отход за реку Нарев¹⁰.

Интересно, что нет упоминаний о захвате немцами окоп 26-го полка, хотя в журнале 27-го полка имеется запись об этом: «Несмотря на упорное сопротивление, 5 июля немцы ворвались в окопы 26-го Могилевского полка, и ночью был получен общий приказ отойти на позиции вдоль реки Нарев»¹¹.

Во время отхода 28-го полка 7 июля поручик Ершов получил приказ взорвать мосты на реках Нарев и Писа¹².

В последующие дни в журналах 26-го Могилевского полка появились следующие записи.

8 июля в перестрелке с немцами погиб начальник сторожевого охранения прапорщик Горбунов, а на следующий день, во время артиллерийского обстрела, ранен командир 1-й роты, прапорщик Золототрубов¹³.

Наибольшие потери «могилевцы» понесли 12–13 июля, когда немцы под прикрытием огня артиллерии перешли за реку Нарев и начали усиливать наступление. В ходе боев погибли прапорщики Симаков и Кожевников. На следующий день попытка 1-го батальона перейти в контратаку закончилась неудачей и привела к потерям свыше двухсот человек убитыми и ранеными. Был ранен командир отдельного батальона капитан Лакаш, прапорщик Машков убит. Кроме того,

⁶ РГВИА. Ф. 2641. Оп. 1. Д. 149. Л. 11-13.

⁷ Там же. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 150. Л. 5об.-7об.

⁸ Там же. Ф. 2639. Оп. 1. Д. 273. Л. 7об.-8.

⁹ Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 149. Л. 1об.

¹⁰ Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 134. Л. 2-2об.

¹¹ Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 149. Л. 4.

¹² Там же. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 152. Л. 4.

¹³ Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 135. Л. 4об.-5.

потери в нижних чинах составили: 39 убитых, 168 раненых, 33 контуженных и 5 пропало без вести¹⁴.

Интересным показалось упоминание в журнале 27-го полка о том, что утром 13 июля на фронте соседнего Могилевского полка немцы вели сильную артиллерийскую стрельбу и ночью по приказу начальника дивизии 5 офицеров: прапорщики Баранов, Вилков, Машков, Скоробогатов и Нарчинский были отправлены к «могилевцам». Это подтверждает факт, что соседи понесли серьезные потери, в том числе и в офицерском составе.

На следующий день, ввиду продолжавшегося боя на фронте 26-го Могилевского полка, 3-й батальон получил приказ передвинуться к фольварку Дрогашев, поближе к «могилевцам». И в тот же день, благодаря действиям прапорщика Шеметило, была обнаружена колонна немцев численностью в две роты, которую удалось рассеять огнем нашей артиллерии¹⁵.

Полнотой фактов наполнено описание боя с 14 на 15 июля у д. Рыдзево, который вел 28-й Полоцкий полк. При смене на позиции рот 36-го Сибирского полка «сибирцы» поспешно оставляли окопы, а командир одной из рот 1-го батальона даже не ознакомил командира 11-й роты с текущей диспозицией, чем поставил его в сложное положение. При подходе 10-й роты к позициям сибиряки выскакивали из окопов и, убегая, на ходу говорили: «Будет вам на орехи, немцы уже на этом берегу»¹⁶.

Немцы действительно быстро перешли в наступление. Имея значительный перевес в живой силе и при поддержке огня артиллерии, они обрушились на позиции 11-й роты, создав угрозу ее окружения. По распоряжению ротного командира отход подразделения прикрывал 1-й взвод под командой прапорщика Тимофеева. Взвод в течение первых 10 минут боя потерял половину нижних чинов, командир был убит. Роту спасли подразделе-

ния 38-го Тобольского полка, которые лихо атаковали немцев и смогли остановить их продвижение к деревне Новоседлины.

Вечером того же дня в расположение штаба прибыл капитан 7-й артиллерийской бригады Попов, который лично убедился в том, что роты полка удерживают занимаемые позиции, и уезжая сказал: «Я доложу об этом корпусному командиру», при этом он добавил: «Произошло какое-то обидное недоразумение»¹⁷. Видимо, в штаб корпуса поступило сообщение об отступлении полка, которого по факту не было.

15 июля, несмотря на огонь немецкой артиллерии, части 28-го полка удержали за собой занимаемые позиции. По итогам боя, погибло 6 офицеров и 313 нижних чинов¹⁸.

Как видно из записей журнала 27-го Витебского полка, основной удар приходился по соседним частям. К вечеру 15 июля пришло сообщение, что один из командированных в 26-й полк прапорщиков Моисеев убит¹⁹.

Журнал Могилевского полка сообщал, что 17 июля во время поддержки 2-го батальона были ранены командир 15-й роты капитан Солоневич и командир 16-й роты прапорщик Попов. При этом немцы понесли громадные потери и были отброшены на исходные позиции²⁰.

19 июля 5-я рота того же полка под командой капитана Широких ценой больших потерь восстановила ходы сообщения с 40-м Колыванским полком²¹.

На фронте 26-го полка 21 июля, пытаясь поддержать захлебывающуюся атаку 25-го полка, командующий 9-й роты прапорщик Лебедев по собственной инициативе с остатками своей роты бросился на окопы 10-й роты, занятые противником: «Эта горсть храбрцев навела вначале панику на немцев, но затем последние, увидев малочисленность атакующих, открыли по ним убийственный огонь, заставивший смельчаков вернуться в

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 149. Л. 8.

²⁰ Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 135. Л. 10.

²¹ Там же. Л. 12.

свои окопы». Вечером того же дня полк, согласно приказу, начал общий отход²².

В ночь на 22 июля начал отход на новые позиции 27-й пехотный полк и к 7 утра в полном составе сосредоточился у д. Сульки. Войска срочно приступили к укреплению позиций, а уже к 4 часам дня сторожевые заставы под огнем немецкой артиллерии снова начали отход. На следующий день из района деревень Хмелев(о) и Славец началось активное наступление немцев. К 9 часам вечера противник наступал уже по всему фронту полка, но был отброшен. Весь следующий день немцы атаковали позиции полка и соседнего Полоцкого полка слева. В основном, согласно записям журнала от 24 июля, удары удавалось сдерживать, но в 12 часов ночи по телефону был получен приказ об отходе на другие позиции²³.

25 июля под командованием подпоручика Преклонского в сторожевом охранении и резерве было оставлены 1-я, 2-я и 11-я роты. В 2 часа ночи было дано распоряжение об отходе к д. Щепанково. Однако полк еще не успел занять новые позиции, а немцы уже начали теснить сторожевое охранение подпоручика Преклонского. К 6 часам вечера поручик Жербин сообщил, что окопы 16-й роты на левом фланге полностью сметены артиллерией противника, и погибло много людей. Еще через час 16-я рота начала отход, но, благодаря брошенной к ней на выручку 15-й роте, немцев удалось отбросить и вновь занять окопы (видимо, то, что от них осталось). В этих условиях немцы вновь перенесли удар на 28-й Полоцкий полк, и над его окопами вновь появился белый флаг, после чего часть солдат начала убегать. Находившийся неподалеку капитан Наумов (не понятно, о ком идет речь, так как и в 27-м, и в 28-м полку в тот момент были капитаны однофамильцы) открыл огонь по бегущим солдатам, а затем с криком «Ура!» со своей учебной командой выбил немцев и занял окопы «полочан». Кроме того, было захваче-

но в плен 6 немцев, которых отправили в штаб²⁴.

В записях 28-го полка события 24–25 июля выглядят куда лаконичнее. В бою, который произошел 24 июля у деревни Леопольдово, в тексте снова нет упоминаний о действиях конкретных офицеров. В конце приводится безымянный список потерь в количестве 1 офицера и 92 нижних чинов²⁵. Бой у деревни Щепанково, который произошел на следующий день, лишь немного добавил «красок» горького положения дел, а в конце снова сухая статистика: убито 5 офицеров и 330 нижних чинов²⁶. Тем не менее упоминаний о белом флаге, как отмечали это соседи из 27-го полка, не было. Фрагменты боя описаны примерно так: «После ураганного артиллерийского огня позиции 9-й и 11-й рот были полностью уничтожены, а их защитники перебиты. В результате возникла угроза окружения 1-й и 12-й рот, которые под губительным огнем противника стали отходить к позициям 40-го Кольванского полка. Вечером того же дня части 40-го и 25-го полков смогли занять часть немецких окопов»²⁷.

Бои последних дней июля описаны только в журнале 27-го Витебского полка. К 7 часам утра 26 июля установилось короткое затишье. К этому моменту полк вынужден был снова отойти из-за угрозы окружения. Оборонительные позиции пришлось сильно растянуть на 7 верст в одну линию. В ходе ночного боя поручик Жербин, прапорщики Семенов и Измайлов были ранены. В 12 часов дня после продолжительной артиллерийской подготовки немцы начали наступление на фронте соседнего Екатеринбургского полка и, прорвав расположения его 5-й роты, заставили полк отойти, что сильно оголило левый фланг Витебского полка в районе д. Галонзки и вынудило его оставить деревню²⁸. Тем не менее, как следует из дальнейшего писания, до наступления темноты прочие позиции удалось удержать.

²² РГВИА. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 135. Л. 13об.

²³ Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 149. Л. 10-11об.

²⁴ Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 149. Л. 12-13об.

²⁵ Там же. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 153. Л. 5.

²⁶ Там же. Л. 6об.

²⁷ Там же. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 152. Л. 7-7об.

²⁸ Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 149. Л. 14-15.

В 10 часов 27 июля при поддержке сильного артиллерийского огня немцы прорвали оборону 3-й и 9-й рот. Для ликвидации прорыва на помощь была брошена 2-я рота подпоручика Преклонского, которая смогла выбить немцев из окопов, но под убийственным огнем не смогла закрепиться на позициях и вынуждена была отойти. В результате этой контратаки подпоручик Преклонский был ранен, а младший офицер его роты прапорщик Лебедев убит. Выполняя приказ командира полка, прапорщик Ярошенко под огнем противника смог установить связь с флангами, что позволило временно ликвидировать прорыв немцев. В 6 часов вечера был получен приказ на отход, который начался с наступлением темноты, и к ночи весь полк отошел к Червоноборским позициям. Однако из-за отступивших еще дальше других полков отход пришлось продолжить. Во время отхода прапорщик Машков был ранен.

28 июля 27-й полк укреплял новые позиции, а на следующий день противник после артиллерийского обстрела перешел в атаку и смял позиции соседних полков, которые в беспорядке стали отступать. Ввиду сложившейся угрозы для флангов была получена команда на отход, что привело к драматической ситуации. В районе д. Леснево немцы подошли почти к самому штабу полка, но, благодаря стремительной атаке 14-й роты, которую повел вперед полковой адъютант штабс-капитан Бобин, враг был отброшен.

На следующий день, 30 июля, полк отступал, постоянно преследуемый противником. Только благодаря действиям командира полка полковника Чеглова, который собрал «в кулак» 1-ю и 7-ю роты, а также учебные команды 27-го и 28-го полков, бросился на противника, удалось беспрепятственно отойти на новые позиции²⁹.

Конечно, данная картина была общей для всех полков, но, как уже говорилось ранее, все зависело от конкретных лиц, заполнявших полковые журналы. Например, приятным моментом может служить упоминание, сделанное в журнале 26-го Могилевско-

го полка о том, что 31 июля в распоряжение полка прибыл генерал-адъютант Петрово-Соловово, который от имени Верховного Главнокомандующего благодарил войска за бои на реке Нарев³⁰.

Стоит отметить, что в записях журнала 25-го пехотного полка отсутствуют данные за июль месяц.

Начало августа, да и весь последующий месяц рассматриваемые нами журналы описывают общий ход событий, но с присущими каждому формированию подходами: педантично или лаконично.

В первые дни августа подразделениям 27-го полка пришлось отбивать окопы, брошенные 37-м Екатеринбургским полком. Но, выбив из них немцев, «витебцы» не смогли закрепиться, засыпанные градом снарядов. В этих условиях полковник Чеглов лично повел 3-й батальон в атаку и при поддержке присоединившихся к ним 1-го и 2-го батальонов выбил немцев из д. Бартечки, заняв ее. В результате решительных действий командира полка и храбрости многих офицеров полку удалось немного упрочить положение. В ходе боя смертельные ранения получили прапорщики Стребенко и Резванцев. Ранены были прапорщики Гаврилов, Трямкин, барон Пилар фон Пульхау, Королев, Богрянцев, подпоручик Шеметилло, пропал без вести прапорщик Кожаринов³¹.

26-м полком 1 августа был получен приказ поддержать 27-й полк в бою у деревни Павловента, который и был выполнен. В результате боя один офицер оказался контужен. Положение было восстановлено, но из-за отхода соседнего Епифанского полка, обнажившего левый фланг обороны, пришлось отойти и «могилевцам»³².

Внимания со стороны высшего командования в начале августа были удостоены 25-й и 27-й полки.

6 августа во время нахождения на биваке 25-й полк посетил командир корпуса и выра-

²⁹ РГВИА. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 149. Л. 15об.-17об.

³⁰ Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 135. Л. 20.

³¹ Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 149. Л. 18-19об.

³² Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 135. Л. 20об.-21об.

зил благодарность за боевые подвиги в июле месяце (о которых записей нет)³³.

После тяжелых и продолжительных боев 27-й полк отошел в резерв, получил пополнение, а 6 августа принял в расположении командира 5-го армейского корпуса генерал-лейтенанта П.С. Балужева, который благодарил полк и господ офицеров за боевую службу, а командира полка даже расцеловал. На следующий день полк посетил командир дивизии С.Д. Михно, который вручил кресты и медали, пожалованные воинам полка. 8 августа полк начал погрузку в вагоны, а на следующий день прибыл в г. Вильно. В последующие дни 27-й полк сменил свое расположение в ряде населенных пунктов, а 12 августа вновь вступил в бой с подошедшими немецкими частями, в результате которых вынужден был снова отойти, так как части 65-й дивизии и 26-й Могилевский полк отступили, ослабив правый фланг обороны «витебцев»³⁴.

Кстати, в журналах Могилевского полка нет детальных описаний боев, проходивших в те дни, все ограничивалось общими фразами о возросшей активности немцев. Правда, в записи, сделанной 16 августа, фигурирует уже упомянутый прапорщик Лебедев Михаил Николаевич, который был контужен, но остался в строю (в сентябре 1915 г. он умер от ран)³⁵.

Отсутствуют подробные описания и в журнале 28-го полка.

Напротив, записи 25-го Смоленского полка подтверждают, что 13 августа полк получил задачу прикрывать отход 65-й дивизии и задерживать немцев. На следующий день было упомянуто о выбытии из строя 7 офицеров (причины не уточнены), а 15 августа при отражении очередной атаки противника погибло 2 и было ранено 10 солдат³⁶.

Подробному описанию в 26-м полку удостоены последние августовские дни. 29 августа ряд офицеров и нижних чинов

полка в числе других чинов корпуса представлялись Его Императорскому Высочеству Великому Князю Георгию Михайловичу, который вручил георгиевские кресты за отличие в боях на реке Нарев. На следующий день командир полка лично вручил кресты нижним чинам, находящимся в окопах, и поздравил всех с полковым праздником, отмечаемым в этот день³⁷.

Начало сентября не увеличило количество спокойных дней для «витебцев». Уже в полночь с 1 на 2 сентября прапорщик Шагалов, посланный в разведку, доложил, что немцы прорвали фронт 4-го пограничного полка у д. Антокольцы, и пограничники стали отступать. Для ликвидации прорыва с бивака был поднят 1-й батальон под командой полковника Старчинского, которому быстро удалось остановить противника, вернуть контроль над оставленной деревней и занять позиции.

Около 13.00 2 сентября немцы начали наступать по всему фронту 4-го пограничного полка, который вновь отступил, оголив правый фланг обороны 27-го полка. Маневрируя силами личного состава, полковник Старчинский, периодически переходя в контратаки, начал отводить свой батальон. В ходе боя без вести пропал прапорщик В.П. Покровский. На следующий день стратегическая инициатива переходила из рук в руки, и казалось, что оставленные позиции вновь будут возвращены и удержаны, но к 11 часам ночи был получен приказ отходить за р. Вильна и сжечь за собой мост³⁸.

Новые трудности легли на плечи 25-го полка, когда 3 сентября около 7 часов вечера был ранен в голову и эвакуирован в госпиталь командир полка³⁹.

Печальные записи о ходе «Виленской операции» и потере Литвы мы встречаем во всех изученных журналах. 4 сентября в 3 часа ночи начался общий отход 27-го полка, который продолжался до 12 часов дня и составил 28 верст. После отдыха полк отпра-

³³ РГВИА. Ф. 2639. Оп. 1. Д. 274. Л. 3.

³⁴ Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 149. Л. 20-20об.

³⁵ Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 135. Л. 30.

³⁶ Там же. Ф. 2639. Оп. 1. Д. 274. Л. 5-5об.

³⁷ Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 135. Л. 33-33об.

³⁸ Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 150. Л. 1-2об.

³⁹ Там же. Ф. 2639. Оп. 1. Д. 275. Л. 2.

вился в Вильно и двумя эшелонами покинул город⁴⁰.

6 сентября, уже на новых позициях, 27-й полк совместно с частями 10-й пехотной дивизии вел тяжелый бой с превосходящими силами противника. Отходя и контратакуя, подразделения полка старались удержаться на позициях. На страницах журнала запечатлены фамилии офицеров, наиболее активно проявивших себя в этих тяжелых условиях: полковник Старчинский, подполковник Вольбек, капитан Идзиковский. Из-за сложной оперативной обстановки частям полка пришлось неоднократно менять позиции. Взаимодействуя с 25-м Смоленским полком, капитан Наумов и прапорщик Стефанский со своими подразделениями получили приказ поддержать «смоленцев», так как, по словам их же офицера, поручика Богдановича, много солдат последнего набора и они крайне не стойки в бою. Но, несмотря на все усилия, командиру 2-го батальона капитану Наумову так и не удалось поднять 1-й и 3-й батальон Смоленского полка. В конечном итоге части 25-го полка под общей командой поручика Богдановича, прикрываемые ротами 27-го полка, начали отходить в резерв. По приказу подполковника Вольбека, 5-я рота поручика Пенчалевского и 6-я рота прапорщика Давыдова заполнили пустоты в обороне и, используя выгодную позицию, наносили немцам сильное огневое поражение. Эти действия потеснили противника и позволили укрепиться на занятых позициях. Позже была произведена проверка личного состава, выявившая печальный факт: по отчету поручика Богдановича, в Смоленском полку оказалось всего 136 нижних чинов.

После хода боя особой похвалы за решительные действия были удостоены командир 2-го батальона капитан Наумов, командир 2-й роты прапорщик Скрылев, командир 6-й роты прапорщик Давыдов, временно командующий 7-й ротой прапорщик Стефанский, командир взвода подпоручик Новицкий и организовавший остатки 25-го полка поручик Богданович. Надо отметить, что 2-й ба-

тальон во время боя был окружен, но благодаря героическим действиям его офицеров смог не только прорваться к своим, но и захватить в плен 80 немцев, а также отбить пулеметы, брошенные Смоленским полком во время отступления.

7 сентября на правом фланге обороны, под натиском противника начал отступление 28-й Полоцкий полк, а вслед за ним, несмотря на строгий приказ держаться, отошли и части 25-го Смоленского полка. На правом фланге без всякого предупреждения отошла конница. В течение дня полк вел тяжелый бой и в итоге вынужден был отойти и занять новые позиции, а еще через сутки, 9 сентября, отступление продолжилось⁴¹.

Без излишних подробностей, но аналогично, по сути, были сделаны записи и в журнале 26-го полка. 6–7 сентября части полка вели бой в районе деревень Бояры–Якентаны и, как и в записях 27-го полка, было упомянуто об отходе частей 28-го и 25-го полков под натиском немцев. В ходе боев упоминается о гибели двух офицеров и об одном контуженом⁴².

В 25-м полку также нашлось описание происходивших в тот день событий. 6 сентября ввиду угрозы окружения 1-й и 2-й батальоны полка отступили с занимаемых позиций, о чем было доложено начальнику боевого участка полковнику Чеглову (командиру 27-го полка). На следующий день под ударами немцев полк снова начал отходить, но получил приказ перейти в контратаку и вновь установил контроль над деревней Якентаны. Тем не менее вечером следующего дня вновь пришлось отходить к деревне Бояры, а 27-й полк не смог установить контроль над кладбищем д. Якентаны⁴³.

Адъютантом 28-го Полоцкого полка также были внесены записи о ходе того боя. 6 сентября ввиду оперативной необходимости несколько рот полка под командой капитана Бойко и поручика Абаносимова оказали поддержку частям 25-го и 27-го полков. На

⁴⁰ РГВИА. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 150. Л. 3-3об.

⁴¹ Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 150. Л. 4-8.

⁴² Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 136. Л. 3об.-4.

⁴³ Там же. Ф. 2639. Оп. 1. Д. 275. Л. 4-5.

следующий день немцы, ведя огонь легкой и тяжелой артиллерии, заставили отступить части соседней 10-й дивизии, а после начали наступление на 25-й, 27-й и 28-й полки, отступать к деревне Бояры. Однако, получив поддержку батальоном 26-го полка, части перешли в контратаку и выбили немцев из окопов, восстановив прежнее положение⁴⁴.

Однако ситуация по-прежнему оставалась неустойчивой, о чем и было записано в журнале 27-го полка. 7 сентября на правом фланге обороны под натиском противника начал отступление 28-й Полоцкий полк, а вслед за ним, несмотря на строгий приказ держаться, отошли и части 25-го Смоленского полка. На правом фланге без всякого предупреждения отошла конница. В течение дня 27-й полк вел тяжелый бой и в итоге вынужден был отойти и занять новые позиции, а еще через сутки, 9 сентября, отступление продолжилось⁴⁵.

Можно выделить трагическую запись, сделанную в 26-м полку. 8 сентября в результате совместной атаки с 27-м полком произошли значительные потери в офицерском и личном составе: два офицера убито, шесть ранено, два пропали без вести. Потери нижних чинов превысили 800 человек⁴⁶. После таких потерь полк был отведен в резерв и продолжил отступление.

Тем не менее жертвенные подвиги русских солдат и офицеров оказались не напрасными. К середине сентября германское наступление начало выдыхаться. В сложившейся ситуации русское командование сразу предприняло попытку перейти в контрнаступление. В журналах трех полков была зафиксирована одинаковая дата.

14 сентября 26-й полк, имея в своем составе два батальона, состоящих из 16 офицеров и 690 нижних чинов, получил приказ перейти в наступление, которое началось в 4 часа утра. В результате атаки, неся большие потери, роты, лишённые офицеров, которые выбыли убитыми и ранеными, под командой

подпрапорщиков и унтер-офицеров со второй попытки заняли стодол (поселок), чем облегчили общее положение. После подхода частей Смоленского полка удалось овладеть и другими населёнными пунктами, после чего началось преследование отступающих немцев. Потери полка составили: 5 офицеров ранено, 1 контужен и около 200 нижних чинов было убито и ранено⁴⁷.

Однако не на всех участках события развивались одинаково. Для 27-го полка 14 сентября начальником штаба 7-й пехотной дивизии полковником Беловским была поставлена задача 1-му батальону полковника Старчинского атаковать деревню Путяты. Две атаки, предпринятые в течение дня, не возымели успеха. Понеся большие потери, роты батальона получили приказ укрепиться на местах⁴⁸.

Такая же участь постигла и подразделение 28-го полка. 14 сентября совместно с 27-м полком «полочане» начали наступление на деревню Путяты. Основная нагрузка легла на батальон капитана Бойко, который не смог пробиться сквозь ураганный артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь, отступил к лесу южнее деревни и окопался там⁴⁹. Тем не менее это не повлияло на начало общего наступления, которое началось через несколько дней.

17 сентября командир 27-го полка полковник Чеглов получил приказ вступить в командование всем правым боевым участком дивизии в составе 25-го и 27-го пехотного полков и начать активные наступательные действия в районе деревни Черемшица. В ночь на 18 сентября 1-й и 2-й батальоны под командой полковника Старчинского и подполковника Вольбека приступили к выполнению поставленной задачи. В результате героической штыковой атаки удалось занять значительную часть немецких позиций. Но при этом 1-й батальон потерял практически всех офицеров. Командир 1-й роты прапорщик Шендик был контужен, подпоручик

⁴⁴ РГВИА. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 154. Л. 3-4.

⁴⁵ Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 150. Л. 7-8.

⁴⁶ Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 136. Л. 5об.

⁴⁷ Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 136. Л. 7об.-9.

⁴⁸ Там же. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 150. Л. 8об.-9.

⁴⁹ Там же. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 154. Л. 6об.-7.

2-й роты Мазур ранен, капитан 3-й роты Идзиковский контужен, капитан 4-й роты Алексеев убит в штыковой схватке. В ротах не было младших офицеров, что привело к некоторой дезорганизации, позволившей немцам подтянуть резервы и отбить часть занятых позиций. Несмотря на это, нижние чины, воодушевляемые лично командиром батальона, держались крепко.

На поддержку 1-му батальону были выдвинуты из резерва 11-я и 12-я роты под командой прапорщиков Нарчинского и Севковского. Под сильным огнем противника они сразу получили ранения. Атаку возглавил капитан Моисеенко, и войска, ворвавшись в окопы, смогли потеснить оттуда немцев. Однако удар в тыл немцам, который наносил 26-й Могилевский полк, не принес успеха.

Усилив 1-й и 2-й батальоны подкреплениями из учебных команд в 3 часа дня, ведомые доблестными командирами Старчинским и Моисеенко части ударом в штыки выбили немцев с занимаемых позиций и обратили их в бегство по всему фронту. После этого боя 19 сентября полк отошел в резерв, а 25 сентября командир дивизии прибыл в расположение полка и вручил Георгиевские кресты, пожалованные Государем Императором⁵⁰.

Под датой 17 сентября в журнале 25-го полка появилась весьма лаконичная запись: «Бои 16 и 17 сентября очень удачны были для нашей дивизии». С 18 сентября полк был переведен в корпусный резерв⁵¹.

Адъютант 28-го полка примерно так описал события тех сентябрьских дней. 17 сентября ввиду общего отступления теперь уже немецких войск был получен приказ о проведении наступательной операции в районе деревни Черемшица. Направлением удара полка стал фольварк Изорода, который был освобожден к 11 часам ночи, несмотря на сильное сопротивление противника.

На следующий день по приказу командира полка полковника Штубендорфа части 28-го полка совместно с 37-м Екатеринбург-

ским полком продолжили развивать наступление и в результате штыковой атаки обратили немцев в бегство, захватив пулемет, двух офицеров, 57 нижних чинов здоровых и 40 раненых. После этого полк был отправлен в резерв, где и находился до конца сентября⁵².

Свои записи сделали и составители журнала 26-го полка. 18 сентября полк выполнял обходной маневр в общей операции у деревни Черемшица. Несмотря на все трудности, удалось захватить в плен немецких офицеров и нижних чинов, а также большое количество трофеев. В бою погиб 1 офицер, было убито, ранено и пропало без вести свыше 100 нижних чинов.

19 сентября в полк прибыл новый командир, полковник Лебедев. На следующий день он принял от полковника Петрова знамя и полк, после чего начал знакомство с солдатами и осмотр вооружения и снаряжения.

23 сентября полк посетили командующий корпусом генерал от инфантерии Балуев и начальник дивизии генерал-лейтенант Михно для раздачи нижним чинам Георгиевских крестов за предыдущие бои. 25 сентября они вновь посетили полк и выразили благодарность за службу⁵³.

Как видно из записей изученных журналов, общий характер их повествования был довольно схож. Практически все данные свидетельствовали о полном превосходстве противника и его активной наступательной деятельности по всему фронту. Вместе с тем главной отличительной особенностью была полнота изложения фактов в каждом отдельном полку.

Великое отступление не стало паническим, «молчаливым» бегством русской армии. Несмотря на все трудности данного периода, войска справились с возложенными на них задачами. Подводя итоги, можно уверенно сказать, что опыт изучения событий мая–сентября 1915 г. на основании подобных источников позволяет взглянуть на произошедшее непосредственно глазами участни-

⁵⁰ РГВИА. Ф. 2641. Оп. 2. Д. 150. Л. 10об.-14.

⁵¹ Там же. Ф. 2639. Оп. 1. Д. 275. Л. 6.

⁵² Там же. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 154. Л. 9об.-11.

⁵³ Там же. Ф. 2640. Оп. 1. Д. 136. Л. 12об.-13об.

ков и вновь переосмыслить данный фрагмент истории. В полковых журналах не было места политическим нюансам, не произносились голословные обвинения и не расточались

пафосные комплименты. В условиях одного из тяжелейших испытаний Великой войны конкретные солдаты и офицеры пытались просто исполнить свой воинский долг.

Список литературы

1. *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб.: ООО «Изд-во «Полигон», 2002. 878 с.
2. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.: в 7 т. Ч. IV / сост. А. Незнамов. М.: Высш. воен. ред. совет, 1922. 135 с.
3. История гражданской войны в СССР: в 5 т. Т. 1. Подготовка великой пролетарской революции. (От начала войны до начала октября 1917 г.) / под ред. М. Горького. М.: Огиз, 1938. 420 с.
4. *Минц И.И.* История Великого Октября: в 3 т. М.: Наука, 1977. Т. 1. 361 с.
5. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: в 5 т. Т. 1. Крушение власти и армии (Февраль–сентябрь 1917 г.). Вып. 1. Париж: Изд-во Поволоцкого, 1921. 200 с.

References

1. Zayonchkovskiy A.M. *Pervaya mirovaya vojna* [World War I]. St. Petersburg, LLC “Poligon” Publ., 2002, 878 p. (In Russian).
2. Neznamov A. (compiler). *Strategicheskiy ocherk voyny 1914–1918 gg.: v 7 t. Ch. IV* [Strategic Sketch of the War of 1914–1918: in 7 vols. Pt 4]. Moscow, Higher Military Editorial Council Publ., 1922, 135 p. (In Russian).
3. Gorkiy M. *Istoriya grazhdanskoj voyny v SSSR: v 5 t. T. 1. Podgotovka velikoj proletarskoj revolyutsii. (Ot nachala voyny do nachala oktyabrya 1917 g.)* [The History of the Civil War in the USSR: in 5 vols. Vol. 1. Preparation of the Great Proletarian Revolution. (From the Beginning of the War to the Beginning of October 1917)]. Moscow, Ogiz Publ., 1938, 420 p. (In Russian).
4. Mints I.I. *Istoriya Velikogo Oktyabrya: v 3 t.* [History of the Great October: in 3 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1977, vol. 1, 361 p. (In Russian).
5. Denikin A.I. *Ocherki russkoj smuty: v 5 t. T. 1. Krusheniye vlasti i armii (Fevral’–sentyabr’ 1917 g.). Вып. 1* [Essays on Russian Turmoil: in 5 vols. Vol. 1. The Collapse of the Government and the Army (February–September 1917). Issue 1]. Paris, Povolotskogo Publ., 1921, 200 p. (In Russian).

Информация об авторе

Канишев Владимир Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии, Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, kan-vladimir-tamb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6271-5245>

Статья поступила в редакцию 11.05.2021
Одобрена после рецензирования 08.06.2021
Принята к публикации 03.09.2021

Information about the author

Vladimir V. Kanishchev, Candidate of History, Associate Professor of International Relations and Political Science Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, kan-vladimir-tamb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6271-5245>

The article was submitted 11.05.2021
Approved after reviewing 08.06.2021
Accepted for press 03.09.2021